

ЮЛЯ ТИХАЯ

Долгая ночь

Москва
2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Т46

Иллюстрация на переплете MORO.sap
Дизайн обложки и макета *Анастасии Ивановой*

- Тихая Ю.
Т46 Долгая ночь : роман / Юлия Тихая. — М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 496 с. — (Воплощение грез. Российское фэнтези).

ISBN 978-5-389-26347-5

В самую долгую ночь небо горит тысячами цветных огней, а с запада на восток бегут воздушные призраки-звери. И однажды ты — если будешь достаточно смел — просишь благословения у Полуночи и бежишь вместе с ними, чтобы поймать за хвост своего зверя и свою судьбу.

Так Кесса стала двоедушницей. Одна только беда: пойманная судьба ей совсем не понравилась. И истинная пара, предназначенная ей Полуночью, — тоже.

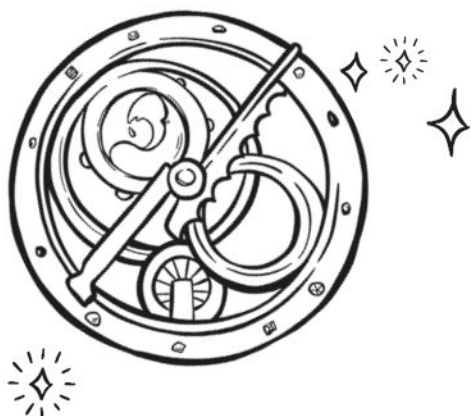
Уже шесть лет, как она пытается выбрать для себя другую дорогу. Поселившись в городе под названием Огиц, она учится в вечерней школе, работает подмастерьем артефактора и мечтает однажды открыть собственную лавку.

Но когда Кесса оказывается вдруг в эпицентре странных и даже жестоких событий, ей приходится задаться вопросом: а бывает ли судьба благосклонна к тем, кто ее отвергает, и можно ли сбежать от того, что было тебе предназначено?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-26347-5

© Тихая Ю., 2024
© MORO.sap, иллюстрация на обложку, 2024
© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024
Издательство АЗБУКА®

Что этот Арден — не нашего полета птичка, стало ясно сразу.

Он появился во вторник, весь такой нарядный, в брюках со стрелками и полосатой рубашке. На дворе давно стоял ноябрь, занятия третьего года больше месяца как начались, мы прошли герундий и имперфект, — а этот явился, будто бы так и надо.

Просто зашел, представился и сел.

«Красавчик», — нарочито громко прошептала мне Ливи.

Пришелец повел ухом, обернулся, безошибочно нашел нас взглядом и улыбнулся эдак... многообещающе.

Ну, что сказать — и правда ничего. Высокий, складный, загорелый. Темные с рыжиной волосы собраны в ухоженную косу с вплетенными цветными нитками, а линия ото лба до кончика носа такая прямая, что хоть сейчас в палату мер и весов.

Молодой — чуть постарше ребят из высшей школы. Наверное, из студентов выгнали, а служить не хочется, вот и устроился на вечерку.

Арден разглядывал нас с Ливи, класс разглядывал Ардена. Не знаю, о чем думал он, а я примеряла на него зверей согласно общей классификации.

На грызуна совсем не похож. На птицу — тоже не слишком, эти обычно и в человеческой форме легкие, субтильные, а Арден не сказать чтобы шкаф, но плечи

у него убедительные. Может, олень? Да, пожалуй, олень бы ему подошел.

В общем, Арден мне не понравился.

Зато преподавательница пришла от него в восторг.

Не знаю, кто его учил раньше, но задачки по спряжению он щелкал как орешки, даже не задумываясь. Пока я пыталась с таблицами, выискивая нужный тип, он уже выписывал все формы столбиком и следил за другими слушателями со скучающим видом. На творческих заданиях, пока лучшие из лучших, скрипя, справлялись со штуками типа «чтобы плохое ушло и пришло туда», Арден выдавал какую-то заумную ерунду вроде «чтобы корень горя был вырван окончательно и безболезненно, а все его тело обратилось в молчаливый прах, кроме одного семени, и это семя нашло сердце своего создателя и там проросло» — все это в восьми лаконичных знаках, вычерченных с каллиграфической точностью.

В общем, в тот вторник класс почувствовал, как далеко ему до мастерства. Ливи восхитилась, а я, наоборот, приуныла.

Четверг, правда, восстановил статус-кво и макнул Арденово самомнение в суровый бассейн механики сплошных сред, а затем там же и придавил алтарной плитой ритуалистики.

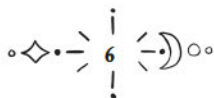
Потом я перестала следить за его успехами. Оно мне разве надо? Достаточно и того, что Ливи при любом удобном случае принималась хлопать ресницами, пытаюсь казаться глупее, чем она есть. Так себе брачные ритуалы, если подумать.

В общем, да — Арден мне не понравился.

А еще — я его не узнала.

Вечерняя школа при университете Амриса Нгье готовила артефакторов, аптекарей и «специалистов широкого профиля» (или, по-другому, неучей, неспособных

справиться с программой специализации). Занятия проводились либо поздно вечером, либо совсем рано утром; добрых две трети материала нам и вовсе оставляли на самостоятельное изучение.

Удовольствие это — ниже среднего, но зато уже через пять-шесть лет можно было получить диплом.

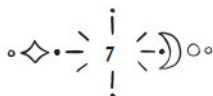
Контингент здесь разношерстный. Денире, например, хорошо за шестьдесят: в ее молодости женщины учились либо в столице, либо на повитух, и вот сейчас, донянчив внуков, она записалась на вечерние курсы реализовывать детскую мечту. Калау-Бьёрли давно состоялся как артефактор, но документы имел колдовские и из-за того не мог брать госзаказы; на занятиях он отчаянно скучал, но посещал все исправно, как положено. А Морет вполне мог бы быть обычным институтским студентом, если бы шесть дней в неделю не батрачил в мастерской.

Я тоже, наверное, чего-нибудь могла бы. Если бы да кабы.

Но что толку думать о разных «если», когда уже случилось все, что случилось, когда все уже сложилось вот так, и я приняла добрый десяток решений, которые нельзя теперь отменить?

Иногда — в основном ветреными вечерами, когда на подоконник гостевого дома надувало маленький сугроб, а простыни хрустели от мороза, — я подолгу сидела, глядясь то в огни ламп, то в неровное сияние своего артефакта, и представляла себе ту, другую жизнь. И картинки получались по большей части красивые, и пахли они гретым домашним вином и маминым марципаном, но грустно почему-то не было, и сожалений не было тоже.

Что толку, — качал головой кто-то внутри меня, — что толку думать об этом, Кесса? Это время прошло; эти ворота закрылись; этот путь давно заметен снегом. Ты ушла другой дорогой, ты ушла далеко, и другая дорога привела тебя в другие места — так разве здесь есть чему удивляться? Ты лучше других знаешь, что есть вещи *несовместимые*: что, как ни крути, не связать в одну жизнь мечту об артефакторике и семейный очаг, дальнюю дорогу и родительский дом, твою свободу и тот марципан. Не бывает,

чтобы рядом — закованная в лед река и пляс стрекоз над летним лугом; ты выбираешь что-то одно, а что-то другое остается туманным маревом несбывшегося.

Ты уже выбрала, Кесса. Это теперь — твоя дорога; вот и иди, и не ной уж, пожалуйста, будь так добра.

Я и не ныла. Ну, разве что иногда.

По правде говоря, я прижилась здесь — в бойком приграничном Огице, где на виляющих вверх-вниз кривых улочках, среди оранжевых крыш и многочисленных лестниц причудливо смешались дети Луны, колдуны и двоедушники. Формально Огиц подчинялся Кланам и молился Полуночи, но до Клановых земель отсюда можно было добраться только рекой, а на север, в горы, уходила железная дорога — и оттого получалось, что и горы были как будто немного ближе.

Здесь — я даже начала говорить «дома» — у меня была плохо протапливаемая комнатка, место в мастерской, учеба в вечерней школе, друзья и даже кое-какие перспективы. Хорошая дорога, гладкая, и просматривается до самого горизонта.

В школе я, правда, близко сошлась только с Ливи: состав слушателей был довольно своеобразный, и все держалось подчеркнуто нейтрально.

Тем страннее было то, что уже в пятницу Арден подсел за наш с Ливи ряд и протянул мне руку:

— Арден.

Я неловко пожала его ладонь:

— Кесса.

Руки у него — не артефактора. Тонкие чуткие пальцы без единого шрама от застарелых ожогов, вытатуированные на фалангах знаки, уходящие выше, на запястья и под рукава... Что ты здесь делаешь, заклинатель?

— Красивая штука, — кивнул на мою руку Арден. — Штормглас?

— Только в основе. — Я показала кончиком паяльника на крошечную колбу в нижней части артефакта. — Это для двойного контроля. Так-то он *на словах*, вот здесь и здесь...

Про свой курсовой проект я могла говорить бесконечно: это была давняя задумка, и в рамках вечерней школы у меня наконец были и оборудование, и материалы, и даже время. На пластину я планировала вывести прогноз осадков на ближайшие три дня; определенные успехи уже имелись, но хвастаться пока было нечем.

— Это тестовый образец, — спохватилась я.

Пластина показывала три снежинки на делении «сейчас». Город стоял голый, небо было пустое, воздух утром пах осенней простудой. Вот уже несколько дней подмораживало, но снег — пока — не начался.

— Еще не откалиброван, — окончательно смутившись, добавила я.

— Очень крутая идея. — Кажется, Ардену тоже было неловко. — Ты молодец, Кесса.

Я пожала плечами и придвинула к себе справочник.

Тишину разбивали только треск электрических ламп, негромкие разговоры и сонное сопение преподавателя. Почти весь класс занимался своими проектами. В основном в вечернюю школу идут люди, уже знакомые с профессией изнутри: бывшие студенты, чьи-то подмастерья и самоучки, — и практики превращаются во вполне приятное и продуктивное общение с коллегами.

Арден ваял простенький оберег от сглаза по сборнику упражнений, и нельзя было сказать, чтобы у него хорошо получалось.

— Возьми кисть потолще, — посоветовала я, глядя, как он мучается с клеем.

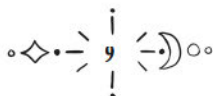
Порывшись среди своих инструментов, я выбрала кисть с жесткой щетиной и протянула ему. Арден посмотрел на нее, затем на меня, а потом аккуратно взял меня за руку, поднес ее к лицу — и понюхал!

Рыбы его сожри!

Я резко выдернула ладонь.

— Ты больной?!

— Может ты не в курсе, хамло, — Ливи аж привстала, чтобы просверлить его гневным взглядом, — но здесь приличные люди так не делают!

Мастер Кешпмар оторвался от газеты и кашлянул. Ливи, пыхтя, как болотный дух, села. Я картинно отодвинулась вместе со стулом.

Арден смотрел... странно, глазами смертельно больного, которому вдруг сказали, что не лихорадка у него вовсе, а обычный насморк. Потом он моргнул, и это выражение стерлось с его лица.

— Твой артефакт торопится, — сказал он ровно, — снег будет только вечером. Замени *ро* на *тиу*. И могу я все же одолжить?..

Я положила кисть на стол между нами, продолжая сверлить его взглядом.

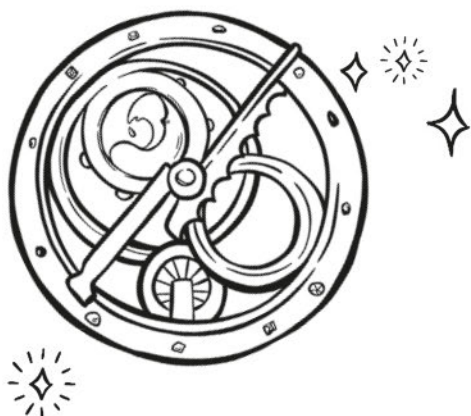
— Спасибо, — кивнул он мне, будто так и надо. — Извини, Кесса. Я не имел в виду ничего такого.

Это прозвучало ужасно знакомо.

Но мало ли в мире двоедушников с хрипловатыми голосами, в которых слышатся шепот леса и смутная вина?

И я, выбросив из головы всякие глупости, шумно сгруппировала на стол между нами внешнюю крышку артефакта. *Ро*, говоришь, на *тиу*; торопится ли, или ошибается, или просто не то в нем и не там... Однажды мои прогнозы начнут наконец сбываться, это я знаю точно. А до остального мне нет никакого дела.

Сначала я слышу запах. Он забивается в нос, щекочет небо, ввинчивается в позвоночник. Внутри все гудит; кишки комкаются в узел; сердце колотится, его стуком можно глушить рыбу; голову дурманит, будто мне снова девять и отец налил за праздничным столом стопку водки.

Потом я их вижу — взбитый в пену снег, горящие глаза, острые морды. Зубы. Когти. Зубы.

Зубы.

Желтоватые. Влажные.

Вываленные языки. Розоватые десны. Капля слюны.

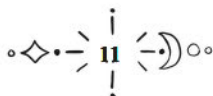
Зубы.

Что-то подскакивает внутри. Я пячусь. Кровь застит глаза.

Я маленькая, я такая маленькая, что один этот зуб больше моего уха. Мои когти им — комариный укус; я сама им — смешная игрушка, меня можно швырнуть одним ударом лапы, как мяч, меня можно трепать, рвать, драть, и светлый мех смешается с осколками костей и кашей из крови и ребухи.

Я разворачиваюсь и бегу.

Изо рта — пар, белый-белый, густой, как можжевельный дым. Солнце слепит. Снег раскален, снег жалит лицо, я тону в нем, тону, и с каждым прыжком все труднее выдернуть себя из пучины.

Если я остановлюсь, я ухну в него с головой. И тогда за мной придут *они*. Они все ближе; они совсем рядом; я слышу их запахи, я чую азарт и адреналин, и их желание догнать, поймать, присвоить стучит у меня в ушах. Я скачу зигзагами, как подстреленный заяц, я несусь, и деревья все ближе.

Ныряю в подлесок, оборачиваюсь и понимаю: да им все равно. Они проламывают заснеженные кусты, как бумагу, и я как-то вдруг сразу верю: нет здесь такого дерева, которое они не смогли бы покорить.

Прятаться негде. Бежать некуда, но я бегу. Пусть я куплю лишь полминутки времени, но это значит — еще целых тридцать секунд до того, как зубы распорют мое брюхо.

Несусь на шум. Впереди — гомон бурной реки, перемалывающей обломки льдин; позади — грохот чужого дыхания.

Вот один из них останавливается, закидывает голову и воет, и у меня все стынет внутри.

Они найдут меня здесь. Они совсем близко, и когда они догонят — когда зубы сомкнутся у меня на шее — все закончится.

Моя смерть гонит меня к реке, и река в этот сезон тоже дышит смертью.

Я не знаю, умею ли я плавать.

Я вся, кажется, состою из этого запаха — чужого, пронзительного, свернувшегося в горле ядовитой змеей.

Это запах борщевика. Это запах волчьего лыка. Это запах родового проклятия, мха на кладбищенских арках, манка над болотным бочагом, свечей во славу Полночи.

Это запах смерти.

Я смотрю в ее глаза — и прыгаю. Вода заливается в панически распахнутую пасть, и льдины с треском сталкиваются над головой.

Я проснулась и села.

Вдох — выдох — и колотящееся сердце, успокаиваясь, признает: это все давно неправда, это все прошло и осталось далеко позади.

Ты выплыла, Кесса. Ты справилась, и ты нашла другую дорогу, где больше ничем не пахнет.

Я потянулась к часам: довольно рано, но ложиться снова нет уже смысла. Отбросила одеяло, села, и холод вцепился в голые колени; умылась, почистила зубы и сжевала сваренное с вечера яйцо.

Рыбы сожри этого Ардена. Должно быть, он совсем недавно в Огице и еще не привык, что какие-то вещи, естественные на центральных территориях, здесь считаются ужасным хамством (спасибо за это всем богам сразу).

Это в Кланах при знакомстве можно и обниматься, и целовать руки, и зарываться носом в волосы: двоедушнику дай волю, и он обнюхает тебя с ног до головы, уделяв особое внимание промежности. Как же можно иначе, когда и зверь, и тело требуют подробностей и близости! Запахом размечена твоя дорога, в запахе сказано, где ты есть и куда идешь — и он скажет много больше имени, титулов и любых других слов.

Другое дело — дети Луны, сотканые из света. Понюхай такого, и будешь проклят до конца своих дней. И хотя все они чем-нибудь да пахнут, сами лунные убеждены, что они — лишь искры разума, капсула «я», а телесность вторична и дана во бремя и испытание. Пока двоедушники охотно примеряют друг на друга клички, лунные берегут свои девять имен, а искры с их крыльев обнажают реальность.

Хотя кто бы говорил о реальности, если ее, конечно же, нет, как нет ничего верного, ничего однозначного, ничего настоящего? Всякий колдун знает, что он — лишь натянутая нить родовой крови между «тогда» и «потом», и нет разницы, где быть и кем — важно лишь быть в нужное время.

Город Огиц вырос при университете, а Амрис Нгье страстно верил, что все мы равны; ходят слухи, что сам

он был рожден колдуном, но однажды отказался от Тьмы и стал поклоняться Луне. Все это, конечно, байки, но с самого основания здесь не принято излишне выпячивать свою природу. Двоедушники не оборачиваются в людных местах, не обнюхивают каждого встречного и не метят заборы; дети Луны не ходят голые, не бросают тела пустыми и не летают над городом; колдуны не пускают кровь на улице, молчат об увиденном завтра и не ходят в чужие сны.

Амрис Нгье верил, что таково оно — общество будущего и что сознание властвует над сутью. Примерно за это его, говорят, и утопили, а потом разорвали на пятнадцать частей, и каждую из частей сожгли, пепел смешали с глиной, из глины налепили человечков, а человечков закопали в разных концах Земель.

Ничего удивительного, что он плохо кончил. Но если бы он попал сегодня в Огиц, он был бы, пожалуй, немного горд.

Я обожала Огиц, и именно здесь мне наконец почти перестали сниться кошмары. И не снились бы еще много лет, может быть, даже никогда, если бы одному пижонистому хаму не пришло в голову меня понюхать.

Сам он, кстати, — я призадумалась — ничего так пах, нормально. Лесом, мужчиной, заклинаниями и немного запретной магией. Пожалуй, если бы я была не я, не здесь, не сейчас — я бы не отказалась понюхать его... повнимательнее.

Этой мысли я усмехнулась криво. Хамло ли он там и насколько, я знаю свою дорогу безо всяких запахов.

Я уронила лицо в холодную воду. Поморгала, вымывая из себя сон и глупые мысли, и привычно запустила руку под рубаху.

Он был там — я никогда с ним не расставалась. Толстый медный круг, покрытый мелкой вязью *слов*; немного вплавленного метеоритного железа, осколки гагата, пыль с аместистовой друзы, мелкие камни в инкрустации; крошечная деревянная бусина, натертая маслом; заточенная в стекло горошина ртути. Я проколола

булавкой подушечку пальца, и тягучая капля крови пробежала по выцарапанным знакам.

Я гладила грани артефакта, а губы шептали сами собой заученные *слова*, — они давно слились в моей голове в один длинный-длинный знак, в котором совсем потерялись и глагольные формы, и падежи.

Мир вокруг меня дернулся — и застыл: привычный, плоский, бледный. Зверь накрыл нос хвостом и, убаюканный тенями, затих.

С каждым разом получалось все проще и проще.

Наверное, однажды зверь уснет так глубоко, что уже не сможет проснуться. Что ж, если такова цена — Полночь знает: я готова.

Что бы я ни говорила себе поутру про мужские запахи и обнюхивание, Арден об этом не знал и вечером снова обнаружился на нашем с Ливи ряду.

Я была вымотана длинным днем в мастерской и занудным клиентом: дядечке поделочный изумруд был все недостаточно изумрудным, он перебирал камни почти полтора часа, причитая и жалуясь, и только громадным усилием воли я заставила себя не подсунуть ему вместо камня граненую стекляшку. По субботам нам читали дисциплины специализации, и обычно я с огромным удовольствием проводила часы в мире чудесных артефактов, но сегодня почти жалела, что вообще когда-то задумалась об образовании.

Арден был омерзительно свеж, надел свободные брюки с ярко-красными кожаными подтяжками и излучал доброжелательность.

И пах, да. Лесом, заклинаниями и далее по тексту.

— Кесса, — сказал он, белозубо улыбаясь, — извини за вчерашнее. Я только неделю в Огице.

Я пожала плечами:

— Проехали.

— Погуляешь со мной завтра?

Я заморгала. Ливи ненавязчиво обошла нас широким кругом, встала позади Ардена и отчаянно мне закивала: мол, соглашайся, тетеря, такой красавчик, я же говорила.

— М-м-м, — неопределенно сказала я.

— С меня пунш, — соблазнял Арден.

Ливи страшно завращала глазами и пыталась показывать что-то жестами: больше всего было похоже, что она грозилась открутить мне шею, если я откажусь.

— Ладно, — сдалась я. — В полдень у башни с часами.

Арден расцвел, как будто я согласилась не на пунш, а на некромантский ритуал и взять всю вину на себя.

Медный круг оттягивал шею. Зверь в тених дернул ухом. Арден улыбнулся, а я почему-то вдруг разозлилась, — но тут в кабинет зашел преподаватель, вокруг зашуршало, захлопали тетради, и виды отражателей оказались для меня во много раз интереснее любой потенциальной личной жизни.

Конечно же, я передумала почти сразу.

Конечно же, Ливи разболтала о «свидании» («прогулке»), шипела я, отстаивая терминологическую корректность) девчонкам, и утром воскресенья они вломились в квартиру, когда я еще не успела придумать каких-нибудь убедительных аргументов никуда не идти.

— Однотонное белье, — наставляла Ливи.

— Шерстяные подштанники, — вторила ей Трис.

Щелк, щелк, щелк — это Бенера зарылась в мой шкаф и перебирала там вешалки, пытаясь выбрать что-то подходящее из весьма скудного ассортимента.

— А-а-а, — возмутился на руках Ливи Марек.

Вот уж кому вся эта девичья дребедень была глубоко по барабану: он висел на матери, грыз ее косу и явно не мог взять в толк, почему вся эта суета — и не вокруг него.

Юному джентльмену было восемь месяцев, он отрастил себе смачные щеки, а сейчас у него вовсю резались зубы. Как со всем этим Ливи умудрялась посещать занятия, было для меня загадкой. На первом курсе она таскала нас с девочками на дискотеки в порту, к концу года — вопреки воле рода — успешно вышла замуж за старшекурсника и почти сразу забеременела. Летом ее супруг поступил на корабль и из первого же плаванья вернулся с новостью: где-то там в другом порту ему

встретилась-де прекрасная нимфа, такая же веселая, только без орущего младенца. Последовал бурный скандал и скоротечный развод.

Практичная Трис тогда высчитывала, как будет выгоднее: трясти содержание или потерпеть, но Ливи терпеть не хотела, Ливи хотела выдрать ему усы и собрать с ними икебану. Род в лице сестры, бабушки и прочих лиц твердил: «Мы же говорили», — а Ливи в ответ грозилась выйти из рода и уехать в лунные горы.

Все это совершенно не мешало ей теперь пытаться устроить нашу с Бенерой личную жизнь, равно как и самой с интересом присматриваться к потенциальным кавалерам.

— Мужики — козлы, — весомо сказала Трис. — И морозить ради них жопу — не дело!

И кинула в меня подштанниками.

Щелк, щелк, щелк: Бенера все никак не могла на чем-нибудь остановиться. Как это бывало с лунными, она никогда не мерзла, и, забываясь, рассматривала легкие блузы наравне с теплыми платьями; в какой-то момент мне даже показалось, что она снова немножко не здесь, как с ней иногда случалось, но тут Бенера наконец определилась и вынула темно-синий свитер с треугольным воротом.

— А как тебе его запах? — спросила она между делом, запуская тонкие пальцы мне в волосы. На ногтях плясали искорки, и от их прикосновений растрепанные лохмы вились локонами.

— Никак, — проворчала я.

Трис смотрела на нас со смесью укора и умудренной жизнью усталости: мол, я-то понимаю, что ничего хорошего из этого не выйдет, но главное, чтобы вам было весело.

В целом я тоже не ждала от этой прогулки ничего такого уж и с удовольствием обменяла бы ее на хорошую книгу. Но пессимизм Трис как-то исподволь заставлял меня делать все ровно наоборот и мотивировал даже лучше восторженности Ливи.

— Во имя Рода! Ты что же, совсем не понюхала? А что, если он тебе не подходит?

— Такое вполне возможно, — пожалала плечами я. — Может, ты и права. Наверное, не стоит идти.

Ливи взвыла и мстительно ссадила Марека на руки Трис.

— Еще как стоит! А что, если он — твоя пара? Ну, в смысле другая. Да даже если и нет, он такой красавчик!

— Совершеннолетний, опять же, — мрачно поддакнула Трис. Марек тянул ее за ухо, пытаюсь, видимо, оторвать сувенир на память.

Трис не повезло: ее истинный оказался ее на семь лет младше. Она была яркой девушкой и молодым специалистом, а он — прыщавым подростком. Вот уже второй год Трис ездила в Клань раз в сезон и ждала, пока он повзрослеет и поумнеет, но пока об особом прогрессе не было слышно.

— А правда — вдруг? Он вроде свободный. И нюхал тебя с интересом!

— Хватит. — Из-под свитера мой голос звучал глухо. — Не смешно. Вот уж кого я точно ни с кем не перепутаю, так это свою пару.

— Ты ни с кем его не перепутаешь, — говорит тетя Рун.

Мне девять, и ее руки пока ничем особенным для меня не пахнут: кисловатая нотка теста, печной дым, квашеная капуста, — все то, чем окутан человек. Слышать ее зверя я пока не умею.

Все слова про истинных я знаю давно: ты узнаешь его сразу, кто бы он ни был, где бы ни пересеклись ваши пути. Полуночь не сводит вместе дороги случайных душ.

— Как Ара?

На мгновение она забывает плести мои косы, но затем пальцы снова приходят в движение.

— Как Ара, — спокойно говорит она.

Ара — моя сестра. Она прекрасна, как Принцесса Полуночи, она играет на гитаре и пишет стихи, плетет охранные чары, как кружево, и, обласканные морозным ветром, они кажутся собранными из снежинок и отражений звезд.

Все любят Ару. Ару нельзя не любить. Однажды я вырасту и буду на нее похожа.

— Ты можешь не идти, — снова напоминает тетя Рун.

— Но там Ара.

Мы идем, но там не Ара. Там обледенелая фигура, отчего-то немного похожая на Ару. Но Ары там больше нет.

Она лежит на столе вся в белом, — много позже я узнаю, что это ткани выцвели от каких-то минеральных солей в воде, но платье не смогли снять, не повредив тела.

Лицо у нее серое, искаженное.

Мне не нужно чують, чтобы знать: ее зверь уже ушел. Ее душа давно отлетела. Ее сердце остановилось в ледяной воде, куда она кинулась с моста.

— Почему он уехал? — в который раз спрашиваю я. — Как он мог уехать? Он же не мог ее не узнать!..

— Тш-ш, — шипит тетя Рун.

В волосах Ары — лед. Она уродлива и страшна, но я-то знаю: она прекрасна, как Принцесса Полуночи, она лучше всех.

Кто-то — может быть, это я — кричит, захлебываясь, пока крик не превращается в вой.

Я буду на нее похожа. Я буду на нее похожа. Я вырасту, и я буду на нее похожа.

Я выпуталась из свитера и встряхнула головой.

Они хорошие, мои девчонки — такие разные, иногда чуть-чуть буйные, но хорошие. И, конечно, они не Ара. Никто не Ара; воды той реки давно утекли; та дорога заросла травой, а у меня теперь — другая.

И на этой дороге нет моей пары, потому что я запретила себе пахнуть и чувствовать. Потому что я напоила артефакт кровью, убаюкала зверя туманами.

Потому что все закончилось, да. Все закончилось.

— Ну правда, вдруг...

— Хватит. — Я выправила воротник рубашки из свитера. — Ливи, ты сама говорила: нюхать людей — неприлично.

— Сексом трахаться тоже неприлично, ну и что?

Трис закрыла Мареку уши руками:

— Не слушай эту глупую женщину, малыш.

— Тоже мне, специалистка по детям...

— Ливи!..

Я покачала головой. Хорошие они, веселые; и пришли все утро в воскресенье, хотя я не звала и не просила, но Ливи, конечно, все поняла.

— Не забалтывайся про артефакты. — Ливи материнским жестом поправила мне волосы. — Спроси что-нибудь про него, мужчины это любят. Смотри ему в лицо, но не переигрывай. За еду пусть сам заплатит, он же приглашал. И понюхай! А то вдруг он воняет козлом, зачем тебе козел, сама подумай?

— Совершенно ни к чему, — очень серьезно подтвердила я. — Ты же знаешь, я не согласна ни на кого, кроме Большого Волка. Я же сама тоже волчица, р-р-р.

— Балда, — отмахнулась Ливи.

Марек жизнерадостно агукнул и засунул палец Трис в нос.

— Мы узнали его сразу. — Ара кружится по комнате, ее пальцы летают, выплетая защитные узоры. — Его запах будто становится тобой, и он теперь мой, а я — его. Это как... взрыв. Ох, Кесс!.. Мы гнались за ним через все небо и — смотри-ка — догнали!

